

Джон Диксон Карр

КТО ШЕПЧЕТ В ТЕМНОТЕ?

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
HE WHO WHISPERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1946
THE SLEEPING SPHINX
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1947
BELOW SUSPICION
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1949
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Елены Королевой, Юрия Клейнера

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-25758-0

© Ю. А. Клейнер, перевод, 2026
© Е. А. Королева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ужин в Клубе убийств — наше первое заседание за пять с лишним лет — назначен на половину девятого вечера в ресторане «Белтринг», в пятницу, первого июня. Выступает профессор Риго. До сих пор посторонние не допускались, однако не желаете ли Вы, мой дорогой Хаммонд, прийти в качестве моего гостя?..

Очень, подумал он, в духе времени.

Когда Майлз Хаммонд свернул с Шафтсбери-авеню на Дин-стрит, шел мелкий дождик, даже не дождик, а какая-то изморось. Хотя по потемневшему небу было трудно определить, но время, должно быть, близилось к половине десятого. Получить приглашение на ужин в Клуб убийств, а потом опоздать почти на час было более чем неучтиво — это была дьявольская, непростительная наглость, даже если причина уважительная.

И все же, когда он достиг первого поворота, где Ромилли-стрит тянется вдоль окраины Сохо, Майлз Хаммонд остановился.

Это письмо у него в кармане очень в духе времени. Знак, что в год тысяча девятьсот сорок пятый мир неохотно, понемногу, но возвращается в Европу. И он никак не мог к этому привыкнуть.

Майлз огляделся по сторонам.

Остановившись на углу Ромилли-стрит, он видел слева от себя восточную стену церкви Святой Анны. Серая стена с высокой скругленной аркой окна поднималась, почти не пострадавшая. Только стекло не было в окне и позади — ничего, кроме серо-белой башни, видневшейся в просвете. Там, где мощ-

ный фугас разнес Дин-стрит, обратив в щепы дощатые дома и расшвыряв по дороге связки чеснока заодно с битым стеклом и цементной пылью, уже успели вкопать аккуратную цистерну с водой — и обнести колючей проволокой, чтобы дети не упали туда и не утонули. Однако и шелестящий дождь не скрывал шрамы улицы. На восточной стене Святой Анны, прямо под зияющим окном, висела старая мемориальная доска, увековечивавшая память жертв предыдущей войны.

Невероятно!

Нет, сказал себе Майлз Хаммонд, не стоит называть это ощущение болезненным или нереальным или оправдывать расшатанными за войну нервами. Нынче вся его жизнь, подарок судьбы, хороший и плохой сразу, *невероятна*.

В какой-то момент, давным-давно, ты вступаешь в армию с ощущением, что надежные стены рушатся и с этим так или иначе надо что-то делать. Потом, совершенно негероически, получаешь отравление дизельным топливом, которое в бронетанковых войсках тем не менее так же смертельно, как и все, что швыряют в тебя фрицы. Полтора года ты валяешься на госпитальной койке под белыми шершавыми простынями, и время тянется так медленно, что теряет всякий смысл. А потом, когда на деревьях во второй раз распускаются почки, тебе сообщают в письме, что твой дядя Чарльз скончался — в гостинице в Девоне, находясь в безопасности и устроившись, по своему обыкновению, с полным комфортом — и вы с сестрой унаследовали все его имущество.

Ты вечно изводился от безденежья? Вот тебе все, что пожелаешь.

Всегда был влюблен в этот дом в Нью-Форесте, заодно с библиотекой дядюшки Чарльза? Получай!

С тоской мечтал — гораздо сильнее, чем о прочем, — о свободе от удушающей толпы, от давления человечества в чистом виде, сходного с физическим давлением пассажиров, стиснутых в автобусе? О свободе от муштры, чтобы снова появилось пространство двигаться и дышать? О свободе читать и мечтать без ощущения неисполненного долга по отношению ко всем и каждому? Все это тоже станет возможным, если война когда-нибудь закончится.

И вот, охнув напоследок, словно гауляйтер, проглотивший яд, война закончилась. Ты вышел из госпиталя — слегка неуверенной походкой, с документами о демобилизации в кармане — в Лондон, все еще страдающий от нехватки всего; в Лондон длинных очередей, идущих не туда автобусов, пабов без выпивки; в Лондон, где зажигают уличные фонари и тут же выключают снова, чтобы сэкономить электричество; но все же в город, наконец-то свободный от невыносимого гнета опасностей.

Люди праздновали эту победу, не сходя с ума от радости, что бы там по тем или иным причинам ни писали газеты. И то, что показывали в кинохрониках, было всего лишь пузырьем на громадной поверхности города. Как и он сам, подозревал Майлз Хаммонд, большинство жителей ощущали легкую апатию, потому что никак не могли осознать, что все это реально.

Однако что-то встрепелось, глубоко в недрах человеческих душ, когда в газеты начали снова просачиваться результаты крикетных матчей, а из подземки — исчезать койки. И даже такие явления мирного времени, как Клуб убийств...

— Так я никуда не дойду! — произнес Майлз Хаммонд вслух. Он надвинул на глаза промокшую шляпу и свернул направо, двинувшись по Ромилли-стрит к ресторану «Белtring».

Ресторан находился по левой стороне, четыре этажа, некогда выкрашенные белой краской и до сих пор призрачно белеющие в сумерках. Вдали по Кембридж-Серкус громыхал поздний автобус, из-за которого вибрировала вся улица. Освещенные окна, собрав все силы, противостояли завесе дождя, который, кажется, шумел здесь сильнее. И у входа в «Белtring», словно привет из прошлого, стоял швейцар в униформе.

Однако, если вы собирались на ужин в Клубе убийств, не нужно было входить в парадную дверь. Вместо того требовалось завернуть за угол, к боковому входу со стороны Грик-стрит. Через низкую дверь, вверх по лестнице, застеленной толстым ковром, — если верить известной легенде, когда-то это был тайный вход для одного из членов королевской семьи — вы попадали в коридор, где по одной стороне тянулись двери отдельных кабинетов.

На полпути вверх, прислушиваясь к слабому, сдержанному гулу голосов, всегда звучащих фоном в респектабельном ресторане, Майлз Хаммонд едва не поддался настоящей панике.

Этим вечером он гость доктора Гидеона Фелла. Но даже в качестве гостя он все равно оставался чужаком.

Об этом Клубе убийств рассказывали не меньше легенд, чем о похождениях того королевского отпрыска, по чьей частной лестнице он сейчас поднимался. В Клубе убийств состояло строго тринадцать членов: девять мужчин и четыре женщины. Все это были прославленные имена — причем некоторые прославились еще и своим нежеланием прославиться — в юриспруденции, литературе, науке и искусствах. Его честь судья Коулмен был членом клуба. И доктор Бэнфорд, токсиколог, и романист Мерридю, и госпожа Эллен Най, актриса.

До войны они традиционно собирались четыре раза в год, в двух отдельных кабинетах ресторана «Белтринг», которые им неизменно предоставлял метрдотель Фредерик. В передней комнате устраивался импровизированный бар, а во второй комнате ужинали. В этой второй комнате — где Фредерик по такому случаю всегда вешал на стену гравюру с черепом — эти мужчины и женщины засиживались далеко за полночь, с детской увлеченностью обсуждая убийства, признанные классическими.

И вот теперь с ними он, Майлз Хаммонд...

Спокойствие!

Он здесь — посторонний, едва ли не самозванец, в промокшей насквозь шляпе и плаще, с которых течет на лестницу ресторана, где в прежние дни он едва ли мог позволить себе отобедать. Позорно опоздавший, ощущающий себя убогим до мозга костей, с тревогой ожидающий увидеть вытянутые шеи и вопрошающие взгляды, обращенные на него...

Спокойствие, черт побери!

Ему пришлось напомнить себе, что когда-то давным-давно, в подернутые туманом забвения времена, до войны, был такой ученый, Майлз Хаммонд, последний в длинном ряду ученых мужей, дядюшка которого, сэр Чарльз Хаммонд, скончался совсем недавно. Ученый по имени Майлз Хаммонд получил

Нобелевскую премию по истории в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. И этот самый человек, как ни удивительно, и есть он сам. Нельзя позволять болезни глотать его нервы. У него полное право быть здесь! Однако же мир постоянно меняется, все время обретает новые формы, и люди так быстро все забывают.

С таким вот циническим настроем Майлз добрался до коридора верхнего этажа, где приглушенный свет из-под матовых абажуров лился на полированные двери из красного дерева. Здесь было пустынно и тихо, если не считать отдаленного бормотания голосов. Прямо-таки довоенный «Белترینг». Над одной из дверей светила табличка «Гардеробная для джентльменов», и он повесил там свою шляпу и плащ. На другой стороне коридора он заметил дверь красного дерева с прикрепленным к ней плакатом «Клуб убийств».

Майлз открыл эту дверь и тут же замер.

— Кто... — Женский голос, пролетев через комнату, хлестнул его внезапно. В нем успела прозвучать тревожная нотка, прежде чем он обрел мягкие и естественные интонации. — Прошу прощения, — прибавил голос несколько неуверенно, — но кто вы?

— Я ищущу Клуб убийств, — пояснил Майлз.

— Ах да, конечно. Только...

Что-то здесь было не так. Что-то было совершенно неправильно.

Посреди передней комнаты стояла девушка в белом вечернем платье, и это платье особенно ярко выделялось на фоне толстого темного ковра. Комната была освещена довольно скупо тускло-желтым светом из-под абажуров. Тяжелые шторы с невнятным золотым узором были задернуты на двух окнах, выходивших на Ромили-стрит. Перед этими окнами стоял длинный, покрытый белой скатертью стол, служивший барной стойкой: бутылка хереса, бутылка джина и еще бутылка горькой настойки стояли рядом с дюжиной натертых до блеска неиспользованных бокалов. Кроме девушки, в комнате никого не было.

В стене справа от себя Майлз увидел двойные двери, немного приоткрытые, ведущие во вторую комнату. Он рассмот-

рел за ними большой круглый стол, накрытый для ужина, вокруг которого чопорно выстроились стулья; так же чопорно лежали сверкающие столовые приборы; украшения стола, розы с зелеными папоротниками, образовывали на белой скатерти яркий узор; четыре высокие свечи стояли пока не зажженные. Над каминной полкой в глубине комнаты гротескно нависала вставленная в рамку гравюра с черепом, означавшая, что здесь заседает Клуб убийств.

Только Клуб убийств не заседал. В этой комнате тоже никого не было.

Затем Майлз осознал, что девушка подошла ближе.

— Мне ужасно стыдно, — произнесла она. Низкий, неуверенный голос, бесконечно восхитительный после профессионально бодрых интонаций медсестер, пролился бальзамом на душу. — С моей стороны было очень грубо вот так кричать на вас.

— Что вы! Что вы!

— Я... мне кажется, нам стоит познакомиться. — Она подглядела на него взгляд. — Я Барбара Морелл.

Барбара Морелл? Барбара Морелл? Кто же это из знаменитостей?

Ибо она была молода, и у нее были серые глаза. Больше всего поражала ее необычайная живость, ее энергичность в этом мире, наполовину обескровленном войной. Она сквозила в искрящихся серых глазах, в повороте головы и движении губ, в нежно-розовом румянце на лице, в коже шеи и плеч над белым платьем. Когда в последний раз, соображал Майлз, он видел девушку в вечернем платье?

И каким же пугалом огородным рядом с ней, должно быть, выглядит он сам!

На стене между двумя зашторенными окнами, выходившими на Ромилли-стрит, висело вытянутое зеркало. Майлз видел в нем смутное отражение спины Барбары Морелл, обремененное на уровне талии столом-баром, и блестящий узел, в который она уложила свои гладкие пепельно-светлые волосы. Поверх ее плеча отражалась его собственная физиономия: исхудавшая, перекошенная, насмешливая, с высокими скулами

и рыжевато-карими раскосыми глазами, с седой прядью, из-за которой в свои тридцать пять он выглядел на все сорок с хвостиком, — весьма похож на высоколобого короля Карла Второго¹ и (черт побери!) такой же красавчик.

— Майлз Хаммонд, — представился он и огляделся в отчаянии, выискивая, перед кем извиниться за опоздание.

— Хаммонд? — Последовала легкая заминка. Ее серые глаза, сосредоточенные на нем, широко раскрылись. — Так вы, значит, не член клуба?

— Нет. Я гость доктора Гидеона Фелла.

— Доктора Фелла? И я тоже! Я тоже не член клуба. Но в том-то и беда. — Мисс Барбара Морелл развела руками. — Сегодня вечером ни единого члена клуба здесь нет. Весь клуб целиком просто... исчез.

— *Исчез?*

— Да.

Майлз внимательно оглядел комнату.

— Здесь никого, — пояснила девушка, — кроме нас с вами и профессора Риго. Метрдотель Фредерик буквально сходит с ума, а что до профессора Риго... чего там! — Она осеклась. — Почему вы смеетесь?

Майлз и не думал смеяться. Во всяком случае, сказал он себе, это вряд ли можно назвать смехом.

— Прошу прощения, — поспешно произнес он. — Я всего лишь подумал...

— Подумали о чем?

— Ладно! Много лет этот клуб собирался, каждый раз приглашая нового оратора, чтобы он поведал им о какой-нибудь нашумевшей трагедии, известной ему не понаслышке. Они обсуждали преступление, они упивались преступлением, они даже повесили на стену изображение черепа как свой символ.

— И что же?

Он глядел на ее прическу: пепельные волосы, настолько светлые, что казались почти белыми, разделял прямой пробор,

¹ *Карл II Стюарт* (1630–1685) — английский король, сын Карла I. В числе прочего покровитель наук, искусств, театра, любитель алхимии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

который он считал довольно старомодным. Майлз выдержал взгляд поднятых на него глаз с темными ресницами и непроницаемо черными крапинками на радужке. Барбара Морелл стиснула ладони. Она умела слушать с полным вниманием, как будто жадно впитывая каждое произнесенное слово, что очень льстило расшатанным нервам выздоравливающего.

Он широко улыбнулся ей.

— Я просто подумал, — пояснил он, — это стало бы сенсацией из сенсаций, если бы в вечер назначенного заседания все члены клуба исчезли из своих домов. Или же каждый был бы обнаружен спокойно сидящим у себя дома с кинжалом в спине под бой курантов.

Его попытка пошутить не увенчалась успехом. Лицо Барбары Морелл слегка покраснелось.

— Какая жуткая мысль!

— В самом деле? Простите. Я всего лишь имел в виду...

— Вы случайно детективов не пишете?

— Нет. Зато читаю их пачками. И это... ну да!

— Это *серьезно*, — заверила она с наивной убежденностью маленькой девочки, все еще пламенея румянцем. — В конце концов, профессор Риго проделал такой долгий путь, чтобы рассказать им о том деле, убийстве на башне, а они так с ним обошлись! Почему?

А вдруг что-то *действительно* случилось? Это было невероятно, это было немыслимо, однако все казалось возможным в этот нереальный вечер. Майлз принялся соображать.

— Нельзя ли что-нибудь предпринять и выяснить, что же произошло? — спросил он. — Может быть, позвонить?

— Они уже позвонили!

— Кому?

— Доктору Феллу, он почетный секретарь клуба. Только у него дома никто не ответил. И сейчас профессор Риго пытается дозвониться до президента, этого судьи, его чести судьи Коулмена...

Однако стало ясно, что связаться с президентом Клуба убийств не удалось. Дверь в коридор распахнулась, словно от беззвучного взрыва, и вошел профессор Риго.

Жорж Антуан Риго, профессор французской литературы из Эдинбургского университета, двигался словно дикий кот. Он был низенький и толстый; он был взбудоражен; он был одет слегка небрежно, начиная от галстука-бабочки и лоснящегося темного костюма и заканчивая ботинками с квадратными носами. Волосы над ушами казались очень черными по контрасту с крупной лысой головой и красноватой физиономией. В целом манера профессора Риго отличалась необычайной напористостью и внезапными взрывами смеха, демонстрировавшими блестящий золотой зуб.

Однако сейчас ему было не до смеха. Его очки в тонкой оправе и даже черная щетка усов как будто дрожали от откровенного негодования. Голос звучал сердито и сипло, когда он заговорил по-английски почти без акцента. Он вскинул руку ладонью к публике.

— Прошу, ничего не говорите, — произнес он.

На сиденье кресла у стены, обтянутого розовой парчой, лежала мягкая темная шляпа с обвислыми полями и толстая трость с загнутой рукоятью. Профессор Риго подскочил и набросился на эти предметы.

Теперь во всех его жестах сквозила высокая трагедия.

— Столько лет подряд, — произнес он, не успев распрямиться, — они уговаривали меня прийти в этот клуб. Я отвечаю им: «Нет, нет, нет!» — потому что я не люблю журналистов. «Там не будет никаких журналистов, — говорят они мне, — никто не станет перепечатывать ваши слова». — «Обещаете?» — спрашиваю я. «Да!» — говорят они. И вот я проделал весь путь от Эдинбурга. А ведь мне не удалось достать билет в спальный вагон из-за так называемого преимущественного права. — Он наконец распрямился и потряс в воздухе пухлой рукой. — При слове «преимущественное право» у честных людей свербит в носу от вони!

— Послушайте, послушайте, *послушайте же*, — с жаром произнес Майлз Хаммонд.

Профессор Риго отвлекся от своей гневной тирады, впившись в Майлза жесткими блестящими глазками за стеклами очков в тонкой оправе.

— Вы согласны, друг мой?

— Да!

— Как мило с вашей стороны. А вы...

— Нет, — ответил Майлз на невысказанный вопрос. — Я не пропавший член клуба. Я тоже гость. Моя фамилия Хаммонд.

— Хаммонд? — повторил его собеседник. Интерес и подозрение быстро промелькнули во взгляде. — Но вы же не сэр Чарльз Хаммонд?

— Нет. Сэр Чарльз Хаммонд был моим дядей. Он...

— Ах да, конечно! — профессор Риго прищелкнул пальцами. — Сэр Чарльз умер. Да, да, да! Я читал об этом в газетах. У вас есть сестра. И вы с сестрой унаследовали библиотеку.

Барбара Морелл, как заметил Майлз, глядела на них с искренним недоумением.

— Мой дядя, — пояснил он ей, — был историком. Он прожил много лет в маленьком доме в Нью-Форесте, где собрал тысячи книг, сваленных в дичайшем, безумном беспорядке. На самом деле я прежде всего приехал в Лондон узнать, не найдется ли здесь опытный библиотекарь, который поможет привести книги в порядок. Но вместо того доктор Фелл пригласил меня в Клуб убийств...

— Библиотека! — выдохнул профессор Риго. — Библиотека!

Сильное душевное волнение, кажется, клокотало и расширялось внутри его, словно пар: у него вздымалась грудь и лицо побагровело чуточку сильнее.

— Этот Хаммонд, — заявил он с восторгом, — был великий человек! Он был любознательный! Он был неугомонный! Он... — профессор Риго повертел запястьем, словно человек, открывающий дверь ключом, — умел прозревать суть вещей! Я бы многое отдал, чтобы изучить его библиотеку. Чтобы изучить его библиотеку, я бы отдал... Но я забылся. Я в ярости. — Он нахлобучил свою шляпу. — И я немедленно ухожу.

— Профессор Риго, — мягко окликнула девушка.

Майлз Хаммонд, всегда чувствительный к атмосфере вокруг себя, ощутил легкое потрясение. По неизвестным причинам отношение обоих его собеседников к нему едва заметно изменилось, или так ему показалось, после того как он упомя-

нул дом своего дядюшки в Нью-Форесте. Он не сумел бы этого объяснить, — возможно, ему почудилось.

Однако, когда Барбара Морелл вдруг сжала кулаки и заговорила, в ее тоне безошибочно угадывались настойчивость и нетерпение.

— Профессор Риго! Прошу вас! Нельзя ли... нельзя ли нам все же провести заседание Клуба убийств?

Риго развернулся на месте:

— Мадемуазель?

— Они ужасно с вами обошлись. Я понимаю. — Она спешно выступила вперед. Легкая улыбка на ее губах плохо сочеталась с мольбой во взгляде. — Но я так ждала приезда сюда! Это дело, о котором собирался говорить профессор, — торопливо пояснила она Майлзу, — совершенно особенное и сенсационное. Все случилось во Франции, еще до войны, и профессор Риго один из немногих живых свидетелей, который что-то знает об этом. Суть в том...

— Суть, — прервал профессор Риго, — во влиянии некой женщины на жизни других людей.

— Мы с мистером Хаммондом будем ужасно благодарными слушателями. И мы ни словечка не скажем прессе, ни один из нас! Ну, в конце-то концов, надо же нам где-то поужинать, а я сомневаюсь, что мы сумеем найти хоть что-нибудь, если уйдем отсюда. Давайте, профессор Риго? Давайте? Давайте?

Метрдотель Фредерик, подавленный, рассерженный и скорбный, незаметно проскользнул в приоткрытую дверь из коридора, поманив за собой кого-то, ждавшего с другой стороны.

— Ужин подан, — объявил он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Историю, рассказанную им Жоржем Антуаном Риго — за кофе, поданным после довольно посредственного ужина, — Майлз Хаммонд поначалу пренебрежительно счел байкой, легендой, сложной мистификацией. Частично причина была

в выражении лица профессора Риго: с присущей французам торжественной серьезностью он бросал короткие взгляды то на одного собеседника, то на другого, однако во всем сказанном ощущалась изрядная доля язвительной насмешки.

Впоследствии Майлз, конечно, выяснил, что каждое слово в этой истории правдиво. Однако на тот момент...

Голос глухо звучал в небольшой тихой столовой, освещенной лишь четырьмя высокими свечами на столе. Они раздвинули шторы и открыли окна, чтобы впустить в этот душный вечер немного воздуха. Снаружи по-прежнему шуршал дождь, в лиловых сумерках светило несколько окон в ресторане с красными стенами на другой стороне улицы.

В целом подходящая декорация для того, что им предстояло услышать.

— Криминалистика и оккультизм! — провозгласил профессор Риго, взмахнув ножом и вилок. — Вот единственно достойные хобби для человека со вкусом! — Он весьма пристально посмотрел на Барбару Морелл. — Вы коллекционируете, мадмуазель?

Насыщенный влагой ветер ворвался в открытые окна, всколыхнув пламя свечей. Ожившие тени задвигались по лицу девушки.

— Коллекционирую? — переспросила она.

— Криминальные реликвии?

— Боже упаси, нет!

— В Эдинбурге живет один человек, — с легкой завистью произнес профессор Риго, — у которого имеется перочистка из человеческой кожи, с тела Бёрка¹, похитителя трупов. Я вас шокировал? Но видит Бог... — он внезапно хмыкнул, продемонстрировав золотой зуб, после чего снова сделался крайне серьезен, — я знаю одну леди, совершенно очаровательную леди вроде вас, которая украла на кладбище Челмсфордской тюрьмы надгробье с могилы Дугала, убийцы с фермы Моут, и теперь это надгробие стоит у нее в саду.

¹ Уильям Бёрк и Уильям Хайр (Хэр) совершили 16 убийств в 1827–1828 годах в Эдинбурге, добывая таким способом и продавая дефицитный на тот момент трупный материал для медицинских исследований. Бёрк был повешен с последующим публичным анатомиранием.

— Прошу прощения, — вставил Майлз. — Но неужели все, кто интересуется криминалистикой... ну, действуют подобным образом?

Профессор Риго обдумал вопрос.

— Это, конечно, чтобы похвастаться, — признал он. — Но все равно занятно. Что касается моей коллекции, я скоро вам покажу.

Больше он ничего не сказал, пока не убрали со стола и не подали кофе. Затем, сосредоточенно раскурив сигару, он придвинул стул ближе к столу и уперся в столешницу мясистыми локтями. Его трость из полированного желтого дерева, прислоненная к ноге, блестела в свете свечей.

— На окраине маленького города Шартра, который расположен в шестидесяти с лишним километрах к югу от Парижа, в тысяча девятьсот тридцать девятом году жила одна английская семья. Возможно, вам знаком Шартр?

Кто-то видит в нем памятник Средневековья, мечту о былых временах, жемчужину прошлого, и в некотором смысле это так и есть. Он заметен издалека, город на холме в окружении желтых пшеничных полей, с возносящимися к небу несимметричными башнями знаменитого собора. Вы въезжаете между круглыми башнями в ворота Порт-Гийом, распугивая своим автомобилем кур и гусей, и поднимаетесь по крутым мощеным улицам до отеля «Гран-Монарх».

У подножия холма вьется река Эр, над ней возвышаются старинные фортификации, и ивы склоняются до самой воды. Вы видите, как по крепостным стенам прогуливаются люди, в вечерней прохладе, когда цветут персиковые деревья.

А в базарные дни — уф! Коровы мычат так, словно сам дьявол дудит в клаксон. Чего тут только не покупается, в торговых рядах, где продавцы перекрикивают даже скотину. В тех краях, — профессор Риго слегка замялся, — суеверия такая же естественная составляющая жизни, как мох на скалах. Вы едите там лучший во Франции хлеб, вы пьете хорошее вино. И вот вы говорите себе: «Ах! Это то самое место, где можно поселиться и написать книгу».

Однако же там имеется и промышленность: мельницы, литейное производство, изготовление художественного стекла,

кожевенная мануфактура и прочее, во что я уже не вникал, потому что неинтересно. Я упоминаю об этом, потому что самая крупная из кожевенных мануфактур, «Пеллетьер и К^о», принадлежала англичанину. Мистеру Ховарду Бруку.

Мистеру Бруку пятьдесят, у него жизнерадостная жена, лет на пять моложе. Есть еще сын Гарри, лет двадцати пяти. Все они теперь уже умерли, и потому я могу говорить о них свободно.

Словно холодом повеяло в небольшой столовой — Майлз Хаммонд не мог сказать почему.

Барбара Морелл, которая курила сигарету и с интересом наблюдала за Риго, прячась за дымом, шевельнулась в своем кресле.

— Умерли? — повторила она. — Значит, больше никакого вреда нельзя причинить...

Профессор Риго оставил ее слова без внимания.

— Они живут, повторяю я, за пределами Шартра. Живут на вилле — громко именуемой шато, хотя никакое это не шато, — на самом берегу реки. Эр в этом месте узкий и спокойный, и темно-зеленый из-за отражающихся в воде берегов. Сейчас покажу!

Напряженно-сосредоточенный, он передвинул вперед свою кофейную чашку.

— Это, — объявил он, — дом из серого камня, охватывающий двор с трех сторон. Это... — макнув палец в остатки кларета на дне бокала, профессор Риго изобразил на скатерти извилистую линию, — это река, которая течет перед домом.

Здесь наверху, примерно в двух сотнях ярдов на север от дома, выгнутый аркой каменный мост над рекой. Мост в частном владении: мистеру Бруку принадлежит земля по обоим берегам Эра. А еще дальше, но на противоположном берегу, стоит старинная разрушенная башня.

Местные называют башню ля тур д'Анри Катр, башня Генриха Четвертого, хотя она не имеет ни малейшего отношения к этому королю. Некогда она была частью замка, который сожгли гугеноты, осаждавшие Шартр в конце шестнадцатого столетия. Осталась одна башня: круглая, каменная, с выгоревшими деревянными перекрытиями, — так что это, по сути, пустая

оболочка с каменной винтовой лестницей вдоль стены, которая ведет на плоскую каменную крышу с парапетом.

Башня — заметьте! — не видна с виллы, где живет семья Бруков. Но панорама изумительная, изумительная, изумительная!

Вы идете на север по густой траве, мимо ив, по берегу реки, которая поворачивает здесь. Первым делом видите каменный мост, отражающийся в сияющей воде. Чуть поодаль башня, возносящаяся над зеленым берегом, круглая, из серых камней, с вертикальными узкими прорезями окон, наверное, футов сорок в высоту, на фоне тополей вдалеке. Семья Бруков использует башню в качестве пляжной кабинки, когда приходит купаться.

Итак, английское семейство — мистер Ховард, отец, миссис Джорджина, мать, мистер Гарри, сын, — живет на своей прекрасной вилле счастливо и, может быть, немного скучновато. Пока...

— Пока? — поторопил Майлз, когда профессор Риго умолк.

— Пока не появляется некая женщина.

Профессор Риго еще немного помолчал.

Затем, шумно выдохнув, он пожал толстыми плечами, как будто снимая с себя всякую ответственность.

— Лично я, — продолжил он, — приезжаю в Шартр в мае тридцать девятого. Я только что завершил свою «Жизнь Калиостро», и мне хочется мира и покоя. В один из дней мой добрый друг, Коко Легран, фотограф, знакомит меня с мистером Ховардом Бруком на ступенях *hôtel de ville*¹. Мы совершенно несхожи с ним, но мы симпатизируем друг другу. Он подсмеивается над моей «французистостью», я подтруниваю над его «англичанством», и все счастливы.

Мистер Брук седой, прямолинейный, сдержанный, но дружелюбный, трудолюбивый хозяин своего кожевенного бизнеса. Он рассказывает в широких брюках для гольфа, что выглядит в Шартре так же странно, как балахон кюре в Ньюкасле. Он гостеприимный, у него в глазах озорной огонек, однако он человек абсолютно нормальный во всех смыслах, и можно сме-

¹ Здание городского муниципалитета (фр.).

ло ставить шиллинг на то, что́ он сделает или скажет в следующий момент. Его жена, пухленькая, хорошенькая женщина с румяным лицом, почти такая же.

Но вот его сын Гарри...

Ах! Вот он совсем другой!

Этот Гарри заинтересовал меня. Он впечатлительный, у него воображение. Рост, телосложение, манера держаться — все в отца. Однако под учтивой маской он сплошные оголенные провода, сплошные нервы.

Кроме того, он миловидный молодой человек: твердый подбородок, прямой нос, широко расставленные карие глаза и светлые волосы, которые (так я решил про себя) станут седыми, как у отца, если он не научится держать в узде свои нервы. Гарри — настоящий идол для обоих родителей. Мне довелось повидать любящих отцов и матерей, скажу я вам, но не таких, как эти двое!

Поскольку Гарри способен запустить мячик для гольфа на двести ярдов — или на двести миль, или на любое другое несуразное расстояние, — мистер Брук раздувается от гордости. Поскольку Гарри как безумный носится по теннисному корту под палящим солнцем и имеет целую полку серебряных кубков, его отец на седьмом небе от счастья. Гарри он в этом не признается. Он говорит лишь: «Недурно, недурно». Но он хвастает этим бесконечно перед каждым, кто готов его слушать.

Гарри учится, чтобы заниматься кожевенным делом. Однажды он унаследует фабрику, он станет очень богатым, как и его отец. Он парень разумный, он сознает, в чем его обязанность. И все равно этот мальчик хочет уехать в Париж и учиться живописи.

Бог мой, как же он этого хочет! Он хочет этого до умопомрачения. Мистер Брук мягко кладет конец этим бредням о желании стать художником. Он человек широких взглядов, живопись очень даже хороша в качестве хобби, но как серьезное занятие — все же нет! Что до миссис Брук, она едва не впадает в истерику по этому поводу, поскольку у нее в голове возникает картина, как Гарри живет в мансарде среди хороших девиц совершенно безо всякой одежды.

Карр Дж. Д.

К 26 Кто шепчет в темноте? : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. Ю. Клейнера, Е. Королевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. — (Классика детектива. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25758-0

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра — Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

В настоящий сборник вошли шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый романы цикла о расследованиях Гидеона Фелла, впервые публикуемые в новых переводах.

В истории невозможного, но свершившегося убийства, рассказанной в романе «Кто шепчет в темноте?» (1946), все указывает на мистическую природу преступления, и хитроумному доктору Феллу предстоит либо поверить в нее, либо развеять струсившийся морок...

Возвращаясь домой буквально «с того света», разведчик Дональд Холден, герой романа «Уснувший сфинкс» (1947), с трепетом ожидал встречи с друзьями и возлюбленной. Однако то, что ему предстояло увидеть и узнать, не могло привидеться и в страшном сне...

Процветающий адвокат Патрик Батлер, герой романа «Вне подозрений» (1949), уверен в себе и проигрывает крайне редко. И когда к нему одно за другим попадают два дела об отравлениях — совершенно очевидных с точки зрения обвинения, он без колебаний берется во что бы то ни стало доказать невиновность своих подзащитных.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
КТО ШЕПЧЕТ В ТЕМНОТЕ?

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шущлебина

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Наталья Бобкова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.12.2025.

Формат издания 60 × 88 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34732-01-R